

О. Л. ФЕТИСЕНКО*

ДОСТОЕВСКИЙ, «ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» И «РУССКОЕ СЕРДЦЕ» МАЛОРОССИЯНКИ КОХАНОВСКОЙ

Ключевые слова: Достоевский, Кохановская (Н. С. Соханская), журналы «Время» и «Эпоха», литературная ситуация 1860-х, славянофильство и почвенничество, литературная репутация.

В статье впервые с опорой на архивные источники детально и с исправлением допущенных в научной литературе ошибок прояснена история двух несостоявшихся случаев сотрудничества Кохановской в журналах братьев Достоевских; дается объяснение взаимной неприязни, разделявшей писателей; прослеживается эволюция отношения Кохановской к Достоевскому: от персонифицированного зла (олицетворения «петербургской литературы» с ее разрушительными в нравственном отношении тенденциями) до «духовно возмужалого человека дела и слова».

Псевдонимом «Кохановская»¹ с 1856 г. подписывала свои повести, рассказы и статьи современница Достоевского Надежда Степановна Соханская (1823–1884). Первая ее опубликованная повесть («Майор Смагин») напечатана еще в 1844 г., но широкую известность писательница приобрела в конце 1850-х — с повестями «Гайка», «После обеда в гостях», «Из провинциальной галереи портретов». Позднее фрагменты ее произведений включались даже в гимназические хрестоматии,

* Ольга Леонидовна Фетисенко, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН — betsy98@mail.ru.

¹ Именно так, без инициалов, которые к нему часто ошибочно добавляют. Псевдонимом стала родовая фамилия матери: В. Г. Соханская (урожд. Лохвицкая) имела предком некоего «коханя» (воспитанника-любимца) князя Константина Острожского, от которого, по семейному преданию, и пошел род Кохановских. После переселения одной из его ветвей в Лохвицы в отличие от других Кохановских предки Надежды Степановны стали зваться Кохановские-Лохвицкие, а затем и просто Лохвицкие (известный адвокат и публицист А. В. Лохвицкий приходился Н. С. Соханской дальним родственником). О Кохановской см.: *Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биограф. очерк.* СПб., 1909.

но к концу века Кохановская была уже почти забыта. До сих пор единственным сколько-нибудь представительным изданием ее лучших произведений является двухтомник «Повести Кохановской», изданный И. С. Аксаковым в 1863 г.

Смешанное украинско-польско-русское происхождение, жизнь в Слободской Украине и любовь к ее степям, к ее песням, ее народу, но при этом выбор православной веры и русской словесности как родины духа, деятельное христианство — вот черты, которые нужно назвать в первую очередь, говоря об этой писательнице. Жизнь на самой границе двух культур, опознаваемых, впрочем, как части единой славянской культуры, поразившее современников языковое новаторство или, с другой стороны, речевая архаика (на самом деле — свободное владение теми пластами языка, которые были забыты «городской культурой» или же и до этого мало проникали в нее), глубокое знание южнорусского и малороссийского фольклора, теснейшая, поистине соседская связь с украинцами-хуторянами, — всё это говорит о том, что Кохановская — именно тот писатель, к которому стоит приглядеться сейчас, желая отыскать исторический прецедент *события* двух народов.

Кохановская *своя* «нашей Украине»² и в спорах с братьями Аксаковыми являет себя истой малороссиянкой и сторонницей ранних украинофилов, но в то же время ее искренний, не казенный *русский* патриотизм с годами становится всё более горячим, даже пламенным. Выражение «русское сердце», включенное в название статьи, мы заимствуем из ее письма к А. В. Плетневой от 19 ноября 1876 г. (период Сербской войны с участием русских добровольцев): «Может быть потому, что я в своей жизни не испытала обыкновенной женской любви, — моя душа пламенеет, как кажется, совершенно мужским чувством гражданской чести, преданности и любви к России. Это я сознавала в самой своей ранней молодости. Выйти замуж за иностранца, подумать полюбить его — никогда! Мое русское сердце не представляло себе возможности подобной измены...»³

Полярно противоположны отзывы современников о писательнице и ее характере. А. В. Старчевский, обменявшийся с Соханской лишь несколькими письмами, полагал, что «автор оказался слишком настойчив, самостоятелен и своенравен»⁴, «татевский отшельник» С. А. Рачинский (тоже едва знакомый с «макаровской отшельницей»⁵) выразился афористично: «У этой женщины был талант крупный, но ха-

² Письмо к А. Ф. Аксаковой от 6–8 октября 1879 г. // ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 537. Л. 16.

³ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 120 об.

⁴ *Старчевский А.* Из воспоминаний старого журналиста. Надежда Степановна Соханская (писавшая под псевдонимом Кохановской) // Новости и Биржевая газета. 1884. 16 дек. № 347. С. 3.

⁵ Соханская жила и скончалась в декабре 1884 г. на хуторе Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии.

ракт — мелкий»⁶. П. И. Бартенев в некрологе Кохановской⁷ вспоминает, напротив, черты прекраснейшей личности. Чтобы принять именно его точку зрения, достаточно вспомнить, кто был друзьями Надежды Степановны: П. А. Плетнев и его вторая жена, И. С. и А. Ф. Аксаковы, М. П. Погодин, его жена и невестка, чета Вельтманов, О. Ф. Кошелёва. Отношения, возникавшие сперва как эпистолярные, сохранялись на всю жизнь и перерастали в глубокую взаимную привязанность и часто в крепчайшую дружбу.

Аксаков, впрочем, поначалу тоже боролся с излишней «настойчивостью» Соханской в отстаивании своих литературных взглядов и авторской самостоятельности, но этот период непростой борьбы и напрасных попыток «перевоспитания» писательницы не помешал ни продолжению сотрудничества (Кохановская стала постоянным автором аксаковских периодических изданий), ни позитивным оценкам ее творчества.

Кохановская с самого начала своего литературного пути находилась вне литературных лагерей (многих удивляло, что она сперва отдавала свои произведения в журналы, враждующие друг с другом). Это было обусловлено не территориальной удаленностью от столиц и ни в коей мере не провинциальной неосведомленностью. Распределение сил на литературной карте России было ей хорошо известно. Но, во-первых, поначалу выбирать не приходилось, а во-вторых, молодая писательница долго сохраняла идеализированное представление о литературных журналах как о месте, где совершается высокое служение. (Тем труднее ей было пережить эпоху журнальных сражений «со свистом», в которых, как помним, активно участвовал Достоевский.) Со временем ситуация прояснится, и литературные критики будут считать писательницу по «лагерю славянофилов».

Московские славянофилы — через Ивана Аксакова — сами пригласили Кохановскую войти в их круг, увидев в ней ответ своим ожиданиям — даровитого писателя с «положительным» отношением к жизни⁸. И действительно, еще до знакомства с ними она высказывалась совершенно в духе К. Аксакова и Хомякова. Так, в письме к упомянутому выше А. В. Старчевскому в 1856 или 1857 г. она следующим образом определяет современную литературную ситуацию и собственную «программу»: «Помните то время, когда бедный “Москвитянин” всё добивался *нового слова*⁹, и ему казалось, что г. Островский сказал это слово,

⁶ НИОР РГБ. Ф. 126. Картон 8335. Ед. хр. 2. Л. 17 об. (Письмо к К. П. Победоносцеву от 16 июля 1897 г.).

⁷ См.: [Бартенев П. И.] Н. С. Соханская (Кохановская) († 3 декабря 1884) // Русский архив. 1885. № 4. С. 629–631.

⁸ О славянофильской концепции «положительного направления» в литературе см.: Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск, 2013.

⁹ Имеются в виду статьи Ап. А. Григорьева в журнале «Москвитянин».

и Писемский его выговорил, и еще, кажется, другие. Я хорошо смекала в глуши своей Макаровки, что — пустяки! Даже такое прекрасное произведение, как “Свои люди — сочтемся” не есть новое слово: потому что оно ничего нового не говорит нам. Это тот же Гоголь в страшном пафосе его отрицания, смеющегося до слез. Новое слово должно родиться от нового духа. А новый дух не должен ли именно состоять в том, что, наконец, довольно! Полно нам подставлять наши могучие плечи под бичеванье этой беспощадной, грязной, мелкой и нелепой сатиры, одетой в ее жалкую нагую действительность. Пора стать перед нею высокою грудью и нашим светлым русским взглядом оглянуться вокруг. Что найдем, всё наше; а на такой ли широте, на этом ли чудном просторе, дышащем мировой силой, — не найти нам чего-нибудь помогучее и пошире сердцем тех бледных, дряблых и истерзанных чувств и загрязненных представлений, которые, как кошмары, давят нас?»¹⁰

Поиском и изображением «положительно прекрасных» (само это выражение встречается у нее задолго до Достоевского¹¹) людей и занята «макаровская отшельница». И вторая, теснейшим образом связанная с первой ее задача — спасти от забвения русскую *старину* в ее преданиях, песнях, мелочах и священнодействии повседневности, в сокровищах народной¹² речи. Вот как отвечала она однажды на упреки в особой «приверженности к археологии»: «...моя приверженность к Археологии <...> вся именно заключается в том, что я чувствую себя обязанною — призванною сделать то, чего другие не в состоянии сделать: не потому, чтобы на то не ставало их, а у них нет тех богатых материалов Старины¹³, живых семейных преданий, которыми я богата и которые я боюсь утратить со смертью своих старушек, матушки и тетушки. Умри они и могу смело сказать: последняя нить, связывающая наше поколение с живою памятью дедов, оборвется; а ведь мы настолько выросли, чтобы уметь дорожить этою нитью»¹⁴.

¹⁰ Новости и Биржевая газета. 1884. 16 дек. № 347. С. 3.

¹¹ 22 октября 1857 г., споря с А. В. Дружининым, который не взял в «Библиотеку для чтения» статью «Степной цветок на могилу Пушкина» (позднее она выйдет в «Русской беседе»), и оспаривая одну из мотивировок отказа (рассуждения Кохановской о религиозной струе в поэзии Пушкина «не идут к делу»), она писала: «Как вы думаете <...> идет ли к делу или оно вовсе не идет: проследить этот вопрос о религиозности в нашей литературе? Как он открывается в представителе ее, Пушкине, и что из того может следовать? А очень может следовать то, что, коснувшись этого вопроса, наша литература войдет в соприкосновение с глубокими, жизненными основами народного характера и оттого сама получит глубину, которой у нее нет, — и на этой-то глубине встретит те *положительно прекрасные* идеалы, которых тоже, к сожалению, в нашей литературе нет» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 293 (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 9); курсив мой. — О. Ф.).

¹² Не равно простонародной.

¹³ Здесь подразумевается не только незавершенная документальная хроника «Старина», над которой работала Кохановская, но и в целом ее обращенность к старине в широком смысле слова.

¹⁴ Письмо к М. Ф. Де-Пуле от 28 февраля 1861 г. // РО ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 573. Л. 10 об.

В 1849 г. Кохановская восклицает в письме к Плетневу: «...мне нужно книг, книг!»¹⁵ Она стремится не пропустить ничего из серьезной периодики, а из газет ей знакомы даже и чешские (к чешской литературе у нее была какая-то особая симпатия). За текущей литературой она следила настолько пристально, насколько это было для нее возможно, и, конечно, она не могла не знать повестей и романов Достоевского.

Сразу отметим, что отзывов о Достоевском в эпистолярной Соханской (правда, большинство ее рукописного наследия безвозвратно утрачено) практически нет¹⁶. Не обнаружено даже откликов на кончину писателя. Казалось бы, странное невнимание. Остается даже невыясненным, были ли они знакомы лично. Во время первого ее долгого «гостения» в столице летом 1862 г. Достоевский находился за границей. Не исключено, что они могли познакомиться в декабре 1873 г.¹⁷, во время подготовки сборника «Складчина» (Кохановская была одной из деятельных пропагандистов¹⁸ и участницей этого благотворительного сборника в пользу голодающих Самарской губернии), однако ее подписи нет среди имен тех, кто присутствовал на итоговых собраниях 15 и 19 декабря (лишь упоминается о ее согласии участвовать в издании)¹⁹.

Точек сближения с Достоевским у Кохановской можно найти довольно много. Хотя бы такую: «...любовь и сожаление к матери нашей — сырой земле, с которой мы обращаемся так безрассудно-хищнически, как разбалованные ребятишки...»²⁰ В ее эпистолярной прозе, причем очень ранней, встречаются места, стилистически родственные именно Достоевскому. Ср. в письме к А. В. Плетневой от 3 ноября 1851 г. высказывание о соученице по Харьковскому институту благородных девиц, некой Лизе Белинской: «Когда я теперь посужу, какой это был в высшей степени скрытный, тайно-гордый, независимый характер!»²¹

В начале 1860-х гг. мимо внимания Кохановской не проходит появление нового журнала «Время». Сохранилась недатированная записка ее к Г. П. Данилевскому (к этому имени мы еще вернемся),

¹⁵ Там же. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 44.

¹⁶ См., напр., ироническое упоминание в письме к Аксакову от 11 февраля 1862 г. «сказочного романа» «Униженные и оскорбленные» (Русское обозрение. 1897. Май. С. 74).

¹⁷ Кохановская приехала в Петербург хлопотать в Дирекции Императорских театров о постановке своей пьесы «Кража невесты» (инсценировка ее повести «Из провинциальной галереи портретов»).

¹⁸ Так, в письме к Аксакову от 13 декабря 1873 г. она призывала «опустить что-либо в общую кружку» (Русское обозрение. 1897. Ноябрь. С. 21).

¹⁹ См.: 30², 34–35.

²⁰ Из письма к двоюродной племяннице М. О. Мозговой от 23 декабря 1881 г. (НИОР РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 23. Л. 5 об.).

²¹ Автобиографическое письмо Н. С. Соханской к петербургской приятельнице // Русский архив. 1885. № 4. С. 633 (дата и адресат установлены по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162).

сопровождая возврат пяти номеров, которые Кохановская «немного долго продержала <...> по нездоровью»²².

8 января 1862 г. она писала своему воронежскому эпистолярному знакомцу М. Ф. Де-Пуле: «А заметили ли Вы, господин Критик, как мило *Время* в своих речах и критических разборах? Оно никогда не относится к предмету прямо, а всегда *по поводу* чего-нибудь... По поводу пролитого масла говорит о прошлогоднем снеге, ведь это очень мило»²³.

Этот отзыв прозвучал уже после появления во «Времени» статьи «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести»²⁴, авторство которой до сих пор вызывает споры (называются имена Ап. Григорьева²⁵, а порой и самого Достоевского²⁶). Об этой статье писательнице сообщил 20 октября 1861 г. Аксаков: «В последней книжке “Времени”, толстого журнала, издающегося Достоевским в П<етер>бурге, есть статья: “Явления, не замеченные нашею критикою”. Это явление — Вы. Всего забавнее то, что автор, повторяя об Вас, чуть ли не слово в слово, всё сказанное в Р<усской> Беседе²⁷, в то же время совершенно умалчивает о Р<усской> Беседе. Вообще — этот журнал славянофильствует отчаяннейшим образом, и при всяком удобном случае нас ругает, говорит, что Славянофильство — отживший момент, и хочет создать учение о русской народности — минус Веры и нравственного закона! Впрочем, не одно “Время”, но и большинство п<етер>бургских журналов проповедуют в том же духе»²⁸.

В 1864 г. Кохановская подумывала отдать в «Эпоху» (преемник «Времени») не принятые Аксаковым в газету «День» из этических

²² ОР РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 146. Л. 16.

²³ РО ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 573. Л. 25.

²⁴ *Время*. 1861. Сент. С. 20–34; паг. 2-я.

²⁵ *Викторович В. А.* Уроки одной судьбы // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 111.

²⁶ *Захаров В. Н.* Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Т. 5. Петрозаводск, 2004. С. 704–709. В. С. Нечаева, на наш взгляд, совершенно необоснованно предположила авторство М. Ф. Де-Пуле (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. С. 240). Сохранились письма Кохановской к Де-Пуле. В одном из них говорится и об этой статье, причем не так, как если бы она обсуждалась с ее автором. Но восхитительно обоснование атрибуции, данное Нечаевой (вероятно, редко кто заглядывал в примечание 48 к росписи содержания «Времени», иначе версия об авторстве Де-Пуле никогда бы больше не вспоминалась, а этого, к сожалению, не произошло; см., например: *Кунильский Д. А.* Достоевский и братья Аксаковы. С. 110). В примечании, поясняющем принятую автором монографии атрибуцию, говорится: «Хотя инициатором этой рубрики являлся Ап. Григорьев, эту статью Б. Егоров не включил в его “Библиографию”. Так как Григорьев уехал в Оренбург, редакция могла использовать в рубрике другого автора» (*Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 264). А дальше идет ссылка на страницу предыдущей монографии (о журнале «Время»), где упомянут Де-Пуле. Почти что по принципу: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно».

²⁷ В «Русской беседе» о Кохановской писали К. С. Аксаков и Н. П. Гиляров.

²⁸ Русское обозрение. 1897. Апр. С. 570 (исправлено по автографу).

соображений (раскрытие семейных тайн предков видного московского чиновника — председателя цензурного комитета) «Сумеречные рассказы»²⁹. 10 января 1865 г. по этому поводу Аксаков отвечал ей: «В “Эпохе” Вам участвовать еще можно, ради ее покаянного тона и благонамеренности, хотя она совершенно бессильна и как-то жалка. Я не думаю, чтоб журнал пошел хорошо — именно потому, что в Редакции есть добросовестность и некоторый нравственный элемент, а с другой стороны мало таланта публицистического и смелости. Что касается до других журналов, то если *Noblesse oblige*³⁰, то и известное направление *oblige*. Вы — христианин. Вам нельзя принимать участие в пиру язычников...»³¹

Но именно в те же дни Кохановская успела отказаться от своего решения. Еще не успев получить аксаковское письмо, 12 января 1865 г. Кохановская в новом своем послании к тому же корреспонденту делится раздумьями о петербургском журнале:

«Я в больных, простудилась, и, хвораю эти дни, чтобы занять чем-нибудь легким и освежающим больную голову, я принялась за недавно полученные книжки “Эпохи”, сентябрь и октябрь. Я давно уже разом не захватывала такого большого приема нашего литературного ума... Мне кажется, я поздоровела от отвращения, от силы того негодующего чувства истины, чистоты и красоты в человеке, которое восстает в нем при виде грязи, гадости всяческой и мерзости запустения на месте святе. Можно ли до того извратить основные понятия: чтобы в том высшем, т<ак> ск<азать>, земном небе человеческого Слова, где оно является духовным выразителем добра, высшей истины и красоты народной — прекрасного и именно в прекрасной речи — там-то именно и основать сточную помойную яму всякой нравственной нечистоты и омерзительной распущенности не человека, а четвероногого, которое в грязи всё валяется перед умственным взором читателя, а автор, торжествуя, подсказывает: “Вы думали, что это человек? Да нет, пустое! Свинское всё, и настоящее, могу вас уверить”. — Да будет слово твое с тобою! более достойного и тяжкого возмездия не может быть для этих поругателей человека и высокого человеческого Слова. Но слава Богу! я не знаю, как там у Вас, а у нас в захолустьях провинции общество выше и чище, переросло головой свою грязную, червем ползущую по земле литературу. Все в один голос говорят: “читать нечего! Дайте, Бога ради, чего-нибудь хорошего почитать. Что за гадости пишут нам, и пустота во всех журналах!”

Вот Вам невольно высказавшееся здоровое негодование меня, полубольной!»³²

²⁹ Рассказ будет опубликован посмертно (тоже в аксаковском издании): Сумеречные рассказы (старое воспоминание тетушки) // Русь. 1885. 17 авг. № 7. С. 11–13.

³⁰ Положение обязывает (*фр.*).

³¹ Русское обозрение. 1897. Сент. С. 6 (уточнено по автографу).

³² Там же. С. 7.

Номера «Эпохи» выходили с большим опозданием³³, и его так и не удалось навестить. Сентябрьская книжка, например, была дозволена цензурой 22 ноября 1864 г., а вышла 28-го. Октябрьская получила цензурное разрешение 24 ноября. А в Изюмский уезд журналы пришли, как видим, и вовсе в январе. Что же было помещено в этих книжках? В сентябрьской: повесть Ю. О<рбело>ва (А. В. Корвин-Круковской) «Михаил», рассказ «Материал для размышлений (Из рассказов моего приятеля)» Н. И. Воронова и его же очерк «Лондонский пансион», сцены А. Н. Плещеева «Попутчики», воспоминания Н. Н. Стрхова об Ап. Григорьеве и статья Достоевского (без подписи) «Чтобы кончить (Последнее объяснение с “Современником”»)». В октябрьской книжке представлены часть романа К. И. Бабикова «Глухая улица», очерк М. Дол-евой (М. Долгомостьевой) «Институтки», фельетон «Заметки летописца» (его автором был Стрхов), принадлежащая перу Достоевского статья «Каламбуры в жизни и в литературе» (без подписи)³⁴.

Трудно предположить, что могло вызвать столь острое отвращение (если бы не были указаны номера журнала, можно было бы подумать, что Кохановская откликается на «Записки из подполья»). Повидимому, это был просто общий тон и фон представленной в «Эпохе» беллетристики, в традициях натуральной школы описывающей темное царство «глухих улиц»³⁵. За содержание журнала ответствен его издатель-редактор (им в данном случае был Ф. М. Достоевский³⁶), и ясно, что для Кохановской именно он станет своеобразной персонификацией петербургской литературы³⁷. Не исключено также, что столь резкое негодование Кохановской вызвано было острополемиическими статьями

³³ Поскольку и разрешение на издание журнала было получено поздно, и первая, вдвоенная, книжка вышла только в начале апреля.

³⁴ См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 257–258.

³⁵ Имеет смысл вспомнить по этому поводу фрагмент из статьи К. Н. Леонтьева «Новый драматический писатель» (1879): «Реализм вовсе не значит безобразие и грубость, как думают многие. Реальность значит верность действительной жизни *во всех ее проявлениях*. <...> / У нас просто бояться касаться тех сторон действительности, которые идеальны, изящны, красивы. Это, говорят, не по-русски, это не русское! / Живописцы наши выбирают всегда что-нибудь пьяное, больное, дурнолицое, бедное и грубое из нашей русской жизни. Русский художник боится изобразить красивого священника, почтенного монаха (хотя они есть, и художник даже *видел* их); нет! ему как-то легче, когда он изберет пьяного попа, грубого монаха-изувера. Мальчики и девочки должны быть всё курносые, гадкие, золотушные; баба — забитая; чиновник — стрекулист; генерал — болван и т. п. Это значит *русский тип*» (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2014. Т. 9. С. 98–99).

³⁶ А. У. Порецкий числился им лишь официально.

³⁷ Ср. с известным более поздним замечанием Аксакова (в письме к Достоевскому от 23 августа 1880 г.) о недопустимых для писателя, стоящего «под знаменем Христа», тоне речи, полемиических приемах и «пачкающих подробностях» (Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / Публ. И. Л. Волгина // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. XXXI. Вып. 4. С. 356–357).

Достоевского. К журнальной полемике фельетонного склада она испытывала настоящее отвращение.

Аксаков был здесь с ней единомышлен. 23 января 1865 г. он отвечал Кохановской, возводя отзыв своей собеседницы о текущей литературе к глобальному обобщению: «Понимаю всё Ваше негодование и слышу всю здоровую его силу. Это еще что, Эпоха! А вот прочтите-ка за эти же месяцы Современник и Русское Слово. Просто делается какое-то физическое ощущение тошноты, точно чего-то скверного наелся. Вот цветы петербургской почвы! Впрочем, законные цветы. Дело не в цветах, а в почве, и почва эта не в одном городе Санкт-Петербурге, а везде и всюду, где правда жизни слишком тяжело накрыта слоем лжи и фальши нашей Петровской цивилизации»³⁸.

Развернутый отзыв о Достоевском Кохановская оставила в своем почти предсмертном сочинении-завещании — открытом письме к Л. Н. Толстому по поводу его «Исповеди» (1883; опубликовано в «Гражданине» в 1884 г.)³⁹. В финальной части этого письма, выросшего в развернутую публицистическую статью, Кохановская, желая убедить графа, что христианская вера — не удел только простецов, обращается к доказательствам «от прекрасного». Сославшись на авторитеты Пушкина, Лермонтова, Хомякова и Тютчева, приведя множество образцов их духовной лирики, Кохановская продолжает:

«Но еще кто тот, на кого я думаю указать вам? Вы, вероятно, догадываетесь? Вы его, может быть, лично знали и мы его так недавно потеряли... И этого так же, как мы теряем всё умственно дорогое нам, — в самую пору духовной возмужалости человека дела и слова, и именно в ту самую минуту, когда это дело и слово наиболее нужны нашему мятущемуся обществу. Я говорю о Достоевском... Это был один из ваших неверующих: ожесточенный, загрязненный нравственно до цинизма, оставшегося даже на многих страницах, нечитаемых, его последнего произведения. В сравнении с этою вороной, наклевавшеюся всякой мертвечинной гадости, ваша душа, как она отражается в зеркале ваших произведений, есть чистая голубица. Зато и каким же тяжким путем шел и прошел Достоевский даже до самого “Мертвого дома”, чтобы ему ожить, очиститься и обновиться душой! Грязь осталась в нем, как прах, прилипший к ногам; а душа уверовала и познала Бога, исповедала Его, как Христа и в Церкви Христовой!»⁴⁰

Здесь суммировано всё: и причины, по которым Кохановская очевидно сторонилась Достоевского при его жизни, причисляя его к чуждой ей литературной школе, и признание высокого венца его земного пути — очищения и обновления.

³⁸ Русское обозрение. 1897. Сент. С. 8.

³⁹ См. об этом произведении: *Фетисенко О. Л.* Письмо без ответа: Кохановская (Н. С. Соханская) и ее «Письмо к гр. Л. Н. Толстому по поводу его “Исповеди”» // Христианское чтение. 2016. № 3. С. 257–275.

⁴⁰ Кохановская. Письмо графу Л. Н. Толстому // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 55.

Что же касается Достоевского (который, вероятно, не менее славянофилов осуждал настоящие «цветы петербургской почвы»), нужно сказать, что он не был расположен и к Кохановской, похоже, видя в ней не искреннюю душу, какой она была, а некую «фарисейку». Самый известный его отзыв лаконичен, относится к повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое» и дан в письме к А. Н. Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 г. в связи с обсуждением круга сотрудников будущего почвеннического журнала «Заря» и возможностью привлечения к нему Кохановской⁴¹. Достоевский говорит, что имя Кохановской в списке сотрудников «увидел с ужасом»: «...после всей мерзости и всего срама, которые я вынес два года назад⁴², читая “Роя”, — эту аллилуйю с маслом, от которой даже Аксаков морщился» (28₂, 323).

Насколько уместна ссылка Достоевского на Аксакова? По письмам последнего известно, что он был в восторге от первых глав повести⁴³, а поморщился от финальной главы, но вовсе не так и не потому, как и от чего морщился Достоевский. Аксаков был «раздосадован», как ему казалось, превращением главного героя в «пошлого человека», «байбака»⁴⁴, но от него не могло исходить недовольство христианским началом повести, ее автора и ее героя, а также архаичностью и непонятностью языка⁴⁵. Тем более он (хотя бы как брат девственника Константина

⁴¹ Кохановскую приглашал, по просьбе Н. Н. Страхова, Аксаков. См.: И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка. Ottawa, 2007. С. 33 (письмо Аксакова от 6 сентября 1868 г.).

⁴² Вероятно, аберрация памяти. Повесть была опубликована в газете «День» в 1864 г. Поскольку в комментариях к Полному собранию сочинений Достоевского указание на первую публикацию дается дважды (и оба раза неверно: см.: 28₂, 396, 486), приведем точные данные: День. 1864. № 5–13, 15.

⁴³ Ср. в письме к Кохановской от 1 февраля 1864 г.: «Это великое, серьезное творение. Его нельзя назвать повестью; это поэма, но поэма вроде Илиады или Одиссеи, или лучше сказать — эпопея, которой содержание взято из русского народного эпоса. <...> в Вашем новом произведении было бы совершенно ложно отыскивать ту мелочную, пошлую натуральность, ту будничную, внешнюю правду действительности, которую так легко воспроизводят наши дешевые романисты. <...> В Рое все фигуры — размеров эпических, гомеровских, но тем не менее они вполне верны высшей внутренней народной правде, вполне согласны с тою подпочвенною действительностью, которой и не видят близорукие очи наших народолюбцев. Речь не обыденная, не будничная прозаическая, но настоящая русская речь, только высшего подъема, выше настроена, звенящая как натянутая тетива. И чисто русский эпический склад, не то былина, не то сказка, не то язык древних грамот, всё слышится в этой речи, и в то же время это не подбор слов, выражений и оборотов народных, а живая, самородная, творящаяся под пером автора, органическая речь. <...> Еще что замечательно. Все действующие лица в Рое, как оно и есть в истинной русской жизни, действуют и стоят как бы пред лицом Божиим, и Лицо Божье как бы смотрит на них и светит им. <...> Но таково ли, как мое, будет впечатление публики, — не знаю, и угадать не могу. Наша публика ведь почти читать не умеет» (Русское обозрение. 1897. Авг. С. 476–477; уточнено по автографу).

⁴⁴ Там же. С. 482–483 (цитата приведена: 28₂, 486).

⁴⁵ Выше в том же самом письме (от 23 апреля 1864 г.) Аксаков говорит о «Рое...»: «...он обратил на себя серьезное внимание многих, возбудил споры, поднял целые

Аксакова) не мог бы упрекнуть Кохановскую за подчеркивание того, что ее герой, дослужившийся в Петербурге до премьер-майора, сохранил девственность до женитьбы (напомним здесь для сравнения еще Хомякова; кстати, в повести Феодосий Саввич женится в том же возрасте, что и Алексей Степанович). Достоевский же, напротив, как выясняется, увидел «мерзость и срам» именно в этой черте.

В его записной книжке появляется запись, сделанная в то время, когда он рассчитывал написать о Кохановской статью для «Эпохи»:

«Рой»

Девственник. Оно, положим, отлично — но глупо. Слово девственность как-то нейдет к этому увальню с маркизскими кудрями, к этой *держиморде* с хрусталями» (20, 176).

Упоминание о «маркизских кудрях» обнаруживает хорошую читательскую память Достоевского⁴⁶, но из каких бездн подсознания явилось слово «держиморда» применительно к герою, который даже разбойников «казнил» исключительно милостью и прощением, — остается загадкой. Любопытна этимология употребленного Достоевским в письме к Майкову выражения «аллилуя с маслом». Ср. с приведенной Далем поговоркой: «Поет куролесу⁴⁷, а несет аллилуйю»⁴⁸. В говорах искаженное «аллилуия»⁴⁹ («алала, алалуя») стало синонимом для слов «вздор, бред, грезы, чепуха, бессмыслица». «Несет такую алала с маслом, что уши вянут» (с «маслом», конечно, «постным» — ср. «чепуха на постном масле», — что еще усугубляет антицерковные ассоциации и коннотации выражения). Примечательно, что Даль добавляет: люди «сами дивятся неприличию поговорки»⁵⁰. Достоевский был, видимо,

вопросы о языке, о эпическом мирозерцании русского народа <...>. Едва ли в каком Вашем произведении явился Ваш талант в такой силе, как в Рое. Нужна страшная *мощь* дарования, чтобы создать органически такой язык, каким написан Рой» (Русское обозрение. 1897. Авг. С. 479–480). Возникает даже соображение, что Достоевский «спутал» Аксакова с Тургеневым, который в одном из писем назвал прозу Кохановской (подразумеваемая, поскольку речь шла о газете «День», именно ее последнее произведение, «Роя...») «образчиком славянотрупёрдой галиматши» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1989. Т. 6. С. 36; письмо к Н. В. Щербаню от 25 июня 1864 г.).

⁴⁶ Впрочем, у Кохановской прическа офицера екатерининской эпохи описана немного иначе: «Коса Феодосия Саввича с бантом вверху на воротнике из-под банта к низу трубою в черную ленту обвита; спереди маркизными пуклями голова взбита и пудрою легкою, как изморозь, чуть-чуть по волосам голова Феодосия Саввича на диво прикрыта» (День. 1864. 14 марта. № 11. С. 7).

⁴⁷ Поговорка, видимо, древняя, потому что глоссолалическое «куролеса» (от которого происходит и глагол «куролесить») образовано от греческого «Κύριε ἐλέησον» (Господи, помилуй).

⁴⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 11.

⁴⁹ Означающее «хвалите Господа».

⁵⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 10. Вспоминается пушкинская мысль из заметок «О русской истории XVIII века» (1822; заглавие не авторское): «...может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание <...> дает

настолько раздражен на Кохановскую с ее премьер-майором «на спокое», что неприличие выражения (тем более в письме к приятелю) его не смутило.

Более благодушен отзыв из периода «Гражданина», известный по воспоминаниям корректора В. В. Тимофеевой-Починковской: «Наивно это немножко. Но ничего. Зато пафосу много. И пафос у этой почтенной старушки⁵¹ не чета нынешнему: настоящий, не выдуманный...»⁵²

Упомянув же «Гражданин», нужно указать еще на один эпизод — на то, что была отвергнута посланная в это издание (редактируемое тогда Достоевским) для шестого номера статья Погодина о Кохановской — несколько запоздалый отклик на ее комедию для народного театра «Слава Богу, что муж лапотъ сплел», помещенную в первой книжке «Зари» за 1871 г. Впервые статья упоминается в письме Погодина к Достоевскому от 25 января 1873 г.⁵³ 23 февраля Погодин пояснял: «...мне было досадно, что ее прекрасная вещь прошла незамеченною, и я написал оторвавшись от своих обычных занятий...»⁵⁴ Подождав еще месяц и видя, что статья так и не напечатана, в письме от 29 марта Погодин требовал у Достоевского немедленного возвращения ее и еще двух своих рукописей⁵⁵. Из письма от 30 октября того же года выясняется, что рукопись к тому моменту Достоевский еще не вернул⁵⁶. Свою статью Погодин в итоге поместил в «Московских ведомостях»⁵⁷.

Сам Достоевский несколько раз собирался, но так и не написал о Кохановской (если считать, что статья «Явления современной литературы...» все-таки принадлежит не ему). Намеревался он сделать это еще в 1861 г. во «Времени» — в цикле «Ряд статей о русской литературе» (ср.: «Кохановская. Гончаров»; 20, 168)⁵⁸; потом в «Эпохе» (брату Михаилу 5 марта 1864 г. он сообщал: «...примусь уж за повесть и, кончив ее, напишу о Костомарове и о Кохановской, если успею»; 28₁, 69). Брат советовал ему выбрать второй сюжет, а первый передать

нам особенный национальный характер» (*Пушкин А. С. Собр. соч.*: В 10 т. Т. 7. М., 1962. С. 193).

⁵¹ «Почтенная старушка» была двумя годами моложе Достоевского.

⁵² Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 146. Достоевский говорил о статье «Гласное слово на всю Москву и ее округу», помещенной во втором номере «Гражданина» за 1873 г.

⁵³ Переписка Ф. М. Достоевского с М. П. Погодиным / Вступ. ст. и примеч. Л. Барсуковой // Звенья. Т. VI. М.; Л., 1936. С. 442.

⁵⁴ Там же. С. 444.

⁵⁵ Литературное наследство. Т. 83. С. 329. В том же письме Погодин советовал взять для публикации в «Гражданине» «большой роман» Кохановской (Летопись. Т. 2. С. 364).

⁵⁶ См.: Звенья. Т. VI. С. 452. «Найдется — вышлем», — успокаивал Погодина Достоевский уже в ноябре (29₁, 308).

⁵⁷ М. П. [Погодин М. П.] О новой пиесе г-жи Кохановской // Московские ведомости. 1873. № 321.

⁵⁸ Речь в этой статье неизбежно зашла бы о новой повести Кохановской «Кирила Петров и Настасья Дмитрива».

Аверкиеву⁵⁹. Болезнь и смерть жены помешали Достоевскому исполнить намерение.

Но есть еще один любопытный сюжет, ради которого, собственно, мы и обратились к теме взаимоотношений Достоевского и Кохановской. Это история несостоявшегося сотрудничества писательницы — скажем сначала осторожнее — в *одном из* журналов братьев Достоевских (помимо упомянутого выше эпизода с несостоявшейся отправкой в «Эпоху» «Сумеречных рассказов»). Считалось однозначно, что не было исполнено намерение пригласить ее в журнал «Время»⁶⁰, но это, как мы увидим, нуждается в уточнении.

Утверждение базировалось на письме Г. П. Данилевского⁶¹ к М. М. Достоевскому⁶². Автограф этого письма сохранился в РГБ. Письмо не датировано. Дата «1861» проставлена на нем, вероятно, А. Г. Достоевской, которая могла не вчитаться в письмо, а указать год, увидев название журнала, но не заметя, что в тексте речь не о подготовительном периоде поиска авторов для нового издания, а о «возрождении» журнала. Ошибка не была замечена коллективом авторов, готовивших том «Неизданный Достоевский» (кто в 1960–1970-е гг. стал бы вникать в биографию и историю текстов забытой писательницы Кохановской?) и оказалась затем перенесенной и в академическое собрание, где процитировали то же письмо Данилевского.

Ниже мы приведем его целиком, чтобы иметь больше оснований для опровержения прежних комментариев. А пока отметим, что в «старой версии» на первый (поверхностный) взгляд был свой определенный резон (о котором, впрочем, ни в «Литературном наследстве», ни в академическом собрании ничего сказано не было). В архивной единице за недатированным (датированным посмертно — и неточно) письмом следует еще одно. И в нем тоже говорится о Кохановской и ее приглашении в журнал. Это письмо от 14 февраля 1862 г. Может показаться, что в 1861 г. Данилевский недовыполнил поручение М. М. Достоевского, а в феврале следующего года возвращается к нему. И тем не менее всё было совсем не так: недовыполнил в 1862 и еще раз взялся за него почти через два года.

Обратимся к текстам писем Данилевского, причем, несмотря на уверенность в том, что их нужно читать в обратном порядке, приведем сначала полный текст уже известного достоевистам во фрагменте письма о «возрождающемся “Времени”». Соображения по поводу датировки будем попутно сообщать в подстрочных примечаниях.

⁵⁹ См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 110.

⁶⁰ См.: 20, 359.

⁶¹ Этот писатель был соседом Кохановской (их хутора разделяло «всего» 40 верст, ничтожное расстояние для степи) и в 1850-х гг. своеобразным ее «литературным импресарио».

⁶² Развернутая цитата из него впервые приведена в т. 83 «Литературного наследства» (М., 1971. С. 188).

«Милостивый Государь,
Михаил Михайлович!

Я кончаю отчет мой о школах Министру Головнину⁶³, под именем “Харьковские школы в старину и теперь”⁶⁴. Я объездил много школ. В отчет я внес мнения высшего общества, простолюдинов, духовенства, учителей и самих учеников о грамотности и школах. Если кончу отчет к январю, то в январе, быть может, недели на две приеду в Петербург и повидаюсь с Вами. Моей поездки требует и здоровье больной при смерти моей матери⁶⁵, в г. Ржеве, Тверской губернии, откуда я собственно и надеюсь заехать в Петербург. А с мая на продолжительное время я полагаю уехать за границу, где вторично буду и где хочется в особенности мне взглянуть на славянские земли, не с московской, разумеется, точки зрения, а скорее с моей родной, украинской. Если будет война, то вот Вам и свой “корреспондент из Австрии”.

Касательно Вашей обязательной просьбы дать что-нибудь в возрождающееся “Время” к весне, могу сказать одно: ничего готового нет пока⁶⁶, хотя кругом растут довольно заманчивые идеалы. Но об этом после.

Теперь же, радуясь вести о Времени, передаю по другой Вашей просьбе следующее: 28 ноября я съездил нарочно к Кохановской, передал ей Ваши слова и получил в ответ: “Благодарите Достоевского за приглашение; я в особенности теперь готова поддержать такой прекрасный журнал, как Время, и готова дать им мой труд. Но для этого прежде всего полагаю, что М. М. Достоевский должен ко мне обратиться письменно, с условиями, на которые тотчас я отвечу”.

Адрес ее: Надежде Степановне Соханской (т. е. Кохановской) Харь<ковской> Губ<ернии>, по Чугуевскому тракту, на Теплинскую станцию⁶⁷.

⁶³ Первым доказательством невозможности датировать письмо 1861 г. служит это упоминание об Александре Васильевиче Головнине (1821–1886), который стал министром народного просвещения лишь в 1862 г.

⁶⁴ Издание отчета см.: *Данилевский Г. П.* Харьковские школы в старину и теперь: (Исторические и статистические заметки об училищах и народном образовании в харьковской губернии). [СПб., 1863].

⁶⁵ Екатерина Григорьевна Данилевская (урожд. Купчинова) доживет до 1875 г.

⁶⁶ Весной 1862 и 1863 гг. Данилевский как раз печатался во «Времени», а вот к 1864 г., в «Эпоху», не дал ничего. Еще одно обоснование «передвижения» датировки с 1861 г. на декабрь 1863.

⁶⁷ Почти буквально этот адрес повторен в записной книжке Ф. М. Достоевского 1863–1864 гг.: «Харьковской губернии» по Чугуевскому тракту, на станцию Теплинку, Надежде Степановне Соханской (Кохановская) » (20, 168). Было бы странно переносить его туда из старого, 1861 г., письма. Ниже в той же самой записной книжке появляются записи о «Рое» и о Кохановской (в связи с темой «русской красоты»). Эти записи можно отнести к марту 1864 г. Слова о том, что мы не научились, что хвалить на Руси, почти дословно повторены в объявлении об издании «Эпохи» в 1865 г. (см.: Литературное наследство. Т. 83. С. 190).

Я застал ее сильно в духе, за работой. Она кончает (но, не получая от Вас прежде предложения, кажется, для Дня) повесть *“Рой Федосей Савичь на покое”*. Она мне прочла первые главы. Это времена Елизаветы, близь курских лесных пограничных с Украиной мест. Нечто вроде, хотя гораздо слабее, ее Портретной галереи. На сцене разбойник Минка-Родимка, попадающий ночью голодный к Федосею Савичу, который из Питера приехал в деревню к матери, с иконописцами, золотарями и резчиками строить церковь; — помещик кормит и поит разбойника, застающего его за чтением книги Четь-Минеи... Друг другу они передают свою жизнь, хотя довольно вяло.

Что вам сказать? Вещь мне по первым главам не вполне понравилась. Мало движения, везде проглядывает византийство, слог ходульный, вроде гоголевских описаний природы, — и главное автор везде говорит от себя языком песен и сказок того времени. — Предрекаю: вещь эта не понравится и публике, если далее не искупит себя другими достоинствами.

Как — знаете. Просите у нее другое что, а хоть и эту вещь. Может быть отдаст и Вам. Для Дня будет вероятно велика.

Ваш покорный слуга
Г. Данилевский

До 1/2 января адрес мой: Г. Ржев, квартира генерала Пикарева»⁶⁸.

Единственным обстоятельством, которое, быть может, позволило бы предположить, что письмо это написано в декабре 1861 г., могли бы стать слова Аксакова из письма к Кохановской от 16 января 1862 г.: «...должен Вам сознаться, что я иногда мечтаю и про Вашего “Роя... на покое”, о котором мне говорил Данилевский»⁶⁹. Как будто всё просто: 28 ноября Данилевский побывал в Макаровке, потом — в декабре — сообщил об этом письменно Достоевскому, а вскоре лично — и Аксакову. Но более глубокая проработка архивных материалов Кохановской легко разбивает эту стройную цепочку.

Во-первых, в письме говорится, что Кохановская трудится для аксаковского «Дня», а издатель газеты, как видим, в январе 1862 г. еще только проводит первую разведку — намекает автору, что слышал о некоем новом произведении. Допустим (для всестороннего охвата ситуации), что писательница готовила Аксакову сюрприз. Но перейдем скорее к «во-вторых»: Данилевский обнаруживает в своем письме отличное знакомство с содержанием всей первой половины повести. А эта стадия относится к гораздо более позднему времени и соответствует другой встрече беллетриста-малоросса с московским славянофилом.

Осенью 1861 г. Кохановская еще только обдумывала свой замысел и рассказывала Де-Пуле: «...уже начало есть и “Рой Феодосий Саввич на покое” в полной картине широко и полно встает в голове. Но когда

⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 93/II. Картон 3. Ед. хр. 7. Л. 1 — 2 об.

⁶⁹ Русское обозрение. 1897. Май. С. 67.

этот *Рой* отойдет, это еще Бог вести и загадывать на будущее я никогда не загадываю»⁷⁰. И еще зимой 1863 г. Кохановская сообщала подругам, что «Рой» «туго роится»⁷¹, «плохо роится»⁷². А это, по сути, означало, что она еще и не садилась за работу, а только ее обдумывает. И действительно, утраченные впоследствии, но описанные библиографом С. И. Пономаревым черновые тетради «Роя...» датированы только 1863–1864 гг., а не более ранним временем⁷³. Новый хронологический ряд замыкает письмо Аксакова к Кохановской от 7 января 1864 г.: «На днях был у меня Данилевский и рассказывал, что Вы ему прочли половину Вашей повести. Он в совершенном восхищении, но тоже говорил, что язык представляет некоторую странность, именно там, где говорится от лица автора»⁷⁴.

Итак, Данилевский успел написать в Петербург в декабре 1863 г. из Ржева, в общем, не рекомендуя, а скорее порицая Кохановскую, а в начале января 1864 г., как бы подлаживаясь к своему московскому собеседнику, лишь отмечает «некоторую странность» ее слога.

Но почему в его письме говорится о «Времени»? Странно, что Достоевисты, дважды процитировавшие этот текст, не были смущены странностью: в 1861 г. «Время» не нужно было «возрождать». Журнал издавался своим чередом. А возрождать его стали как раз в 1863. В августе–сентябре 1863 г. М. М. Достоевский хлопотал о разрешении вновь издавать журнал, запрещенный из-за статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», и думал, что выходить он будет под прежним названием⁷⁵. Только в ноябре он узнает, «что воскресить “Время” нет никакой возможности», но можно «издавать новый журнал»⁷⁶. До этого уже обсуждалось название «Эпоха», но М. Достоевский склонялся к варианту «Правда»⁷⁷. Данилевский же, разъезжая по Харьковской губернии, не мог быть *au courant* всех тонкостей с названием вновь возникающего издания братьев Достоевских.

Теперь, кажется, развеяны все сомнения относительно того, в какой же именно журнал думали позвать автора «Гайки» (единственная по-

⁷⁰ РО ИРЛИ. Ф. 569. Ед. хр. 579. Л. 18. Ср. в письме к нему же от 8 января 1862 г.: «...Вы спрашиваете о моем “Рое Феодосии Саввиче” — подвигается ли он? Нимало. Еще и не начинал роиться. <...> не думая о Рое, я думаю о подготовке старой роевщины к новому выходу в свет» (Там же. Л. 24).

⁷¹ Письмо к А. В. Плетневой от 18 февраля 1863 г. // РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 86.

⁷² Письмо к Н. Д. Шамониной от 4 марта 1863 г. (цит. по: *Платонова Н. Н. Кохановская*. С. 159).

⁷³ *Пономарев Ст.* Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 283.

⁷⁴ Там же. 1897. Авг. С. 475.

⁷⁵ См.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 10.

⁷⁶ Письмо к Ф. М. Достоевскому от 15 ноября 1863 г. (цит. по: Там же).

⁷⁷ Там же. С. 11. Дело с получением разрешения растянулось, как известно, до конца января 1864 г. Название «Правда» не разрешили, обсуждался вариант «Почва», а затем вернулись к ранее отвергнутой «Эпохе» (Там же. С. 12).

весть Кохановской, которая нравилась Федору Михайловичу⁷⁸). Но отступим «на прежнее» и прочитаем письмо Данилевского, которое, как мы теперь видим, предшествовало тому, что помещено выше. И тогда окажется, что история с приглашениями и неловкими услугами «импресарио» Данилевского похожа на слоеный пирог. Не увенчавшихся ничем приглашений было два: сперва во «Время» (только — еще раз подчеркнем — не с тем письмом, что приводилось в качестве доказательства в «Литературном наследстве» и в академическом собрании), а потом и в «Эпоху».

В письме от 14 февраля 1862 г. Данилевский предлагает свои услуги, чтобы издатель и автор повести (он нетвердо знал ее заглавие и называл «Рой-Семен Евтифеевич на спокое») могли установить сношения, и добавлял нелестную характеристику, которая, скорее, могла отвлечь от желания привлечь Кохановскую к участию в журнале почвенников.

«Г. Ржев, Тверской

Губ. 14 фев<раля> 1862 г.

Проживши неделю в Тверской Губернии, я еду теперь далее на юг, где буду на месте окончательно к 25 февраля. Поэтому, помня Ваше, Михаил Михайлович, поручение о Кохановской, моей соседке, я спешу передать Вам одно необходимое соображение, которое я забыл Вам сказать. Если Вы желаете иметь от нее именно повесть «Рой-Семен Евтифеевич на спокое» — то потрудитесь мне прислать по адресу, означенному ниже, *бланк* Вашей редакции. Я на нем напишу на месте письмо от Вашего лица, сообщая некоторые обстоятельства и случайности, которые я могу встретить там, по возвращении из долгой отлучки, и это письмо пришлю Вам к подписи. А Вы его ей перешлете сами или снова через меня. Зная характер этой барышни, зная разные влияния на ее несколько испорченную природу⁷⁹, — я вижу в этом лучшее средство обратить ее на путь нашего молодого журнала. Более не распространяюсь; Вы меня поймете. Если Вы так заняты, Вам ничего не будет стоить запечатать бланк в пакет и прислать его мне, с надписью: Харьковской Губернии, по Чугуевскому тракту, на станцию Граковы-хутора. — Если я получу это к 1-му марту, то к 10-му Вы получите письмо перебеленное и готовое к подписи; 12-го Вы его пошлете, а к 10 апреля будете иметь личный ответ Кохановской.

Так я устроил некогда ее сношения с Дружининым и потом с Катковым⁸⁰
Получили ль Вы мою карточку?

Ваш преданный Г. Данилевский⁸¹

⁷⁸ От души изругав «Роя...», он писал Майкову: «А вот если даст что-нибудь вроде “Гайки”, ну тогда и погордиться можно» (28₂, 323).

⁷⁹ Намек на расточаемые Кохановской со стороны московских славянофилов похвалы.

⁸⁰ Данилевский несколько преувеличивает свою роль. Он был лишь посредником на самых первых этапах (и очень часто оказывал медвежьи услуги, как и в случае с Достоевскими). Кохановская дорожила своей самостоятельностью и вела литературные дела сама. С А. В. Дружининым и М. Н. Катковым она также «корреспондировала» без помощи своего летнего соседа.

⁸¹ НИОР РГБ. Ф. 93/II. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 3 — 3 об.

Обратим внимание на то, что здесь не упомянуты ни Аксаков, ни «День», что еще раз свидетельствует в пользу установленной нами последовательности писем — обратной той, что дана в архивной единице. Сотрудничество не сложилось, да и странно было бы ему осуществиться после таких тонких «дружеских» услуг литературного собрата.

Библиографический список

Автобиографическое письмо Н. С. Соханской к петербургской приятельнице // Русский архив. 1885. Вып. 4. С. 631–637.

И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка. Ottawa, 2007.

[*Бартенев П. И.*] Н. С. Соханская (Кохановская) († 3 декабря 1884) // Русский архив. 1885. № 4. С. 629–631.

Викторович В. А. Уроки одной судьбы // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 110–112.

Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Т. 5. Петрозаводск, 2004. С. 695–712.

Кохановская [Соханская] Н. С. Письмо графу Л. Н. Толстому // Русское обозрение. 1898. № 1. С. 5–57.

Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск, 2013.

Литературное наследство. Т. 83: Неизданный Достоевский. М., 1971.

М. П. [*Погодин М. П.*] О новой пиесе г-жи Кохановской // Московские ведомости. 1873. № 321.

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975.

Переписка Ф. М. Достоевского с М. П. Погодиным / Вступ. ст. и примеч. Л. Барсуковой // Звенья. Т. VI. М.; Л., 1936. С. 439–454.

Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / Публ. И. Л. Волгина // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. XXXI. Вып. 4. С. 349–362.

Письма к А. В. Дружинину. М., 1948.

Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биограф. очерк. СПб., 1909.

Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. № 1. С. 277–312.

Старчевский А. Из воспоминаний старого журналиста. Надежда Степановна Соханская (писавшая под псевдонимом Кохановской) // Новости и Биржевая газета. 1884. 16 дек. № 347. С. 3.

Фетисенко О. Л. Письмо без ответа: Кохановская (Н. С. Соханская) и ее «Письмо к гр. Л. Н. Толстому по поводу его “Исповеди”» // Христианское чтение. 2016. № 3. С. 257–275.

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2.

**Fetisenko O. L. Dostoevsky, “Petersburg Literature”
and “Russian Heart” of the authoress from Malorossia (Kokhanovskaya)**

Key words: Dostoevsky and his journals *Vremya* and *Epokha*, Kokhanovskaya (N. S. Sokanskaya), Slavophilism and ‘pochvennichestvo’, literary reputation.

In the article for the first time, drawing on archival sources, the author clarifies the story of two failed cases of Kochanovskaya’s cooperation in journals of Dostoevsky brothers; explained the mutual hostility that divided the writers and traced the evolution of the relationship of Kochanovskaya to Dostoevsky: from personified evil (impersonation of the Petersburg literature and its destructive tendencies morally) to “spiritually mature human by deed and word”.

References

- Avtobiograficheskoe pis'mo N. S. Sokanskoy k peterburgskoj prijatel'nice. *Russkij arhiv*. 1885. N 4. P. 631–637.
- [Bartenev P. I.] N. S. Sokanskaja (Kochanovskaja) († 3 dekabnja 1884). *Russkij Arhiv*. 1885. N 4. P. 629–631.
- F. M. Dostoevskij v vospominanijah sovremennikov. Moscow, 1964. T. 2.
- Fetisenko O. L. Pis'mo bez otveta: Kochanovskaja (N. S. Sokanskaja) i ee “Pis'mo k gr. L. N. Tolstomu po povodu ego “Ispovedi””. *Hristianskoe chtenie*. 2016. N 3. P. 257–275.
- I. S. Aksakov — N. N. Strahov. *Perepiska*. Ottawa, 2007.
- Kochanovskaja [Sokanskaja N. S.] Pis'mo grafu L. N. Tolstomu. *Russkoe Obozrenie*. 1898. N 1. P. 5–57.
- Kunil'skij D. A. *Dostoevskij i brat'ja Aksakovy: spor o russkoj literature*. Petrozavodsk, 2013.
- Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 83: Neizdannyj Dostoevskij. Moscow, 1971.
- M. P. [Pogodin M. P.] O novoj piese g-zhi Kochanovskoj. *Moskovskie Vedomosti*. 1873. N 321.
- Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskih «Jepoha». 1864–1865*. Moscow, 1975.
- Perepiska F. M. Dostoevskogo s M. P. Pogodinym. Vstup. st. i primech. L. Barsukovoj. *Zven'ja*. Vol. VI. Moscow; Leningrad, 1936. P. 439–454.
- Pis'ma I. S. Aksakova k F. M. Dostoevskomu. Ed. I. L. Volgin. *Izvestija AN SSSR. Ser. lit. i jaz.* 1972. Vol. XXXI, N 4. P. 349–362.
- Pis'ma k A. V. Druzhininu. Moscow, 1948.
- Platonova N. N. *Kochanovskaja (N. S. Sokanskaja). 1823–1884: Biogr. ocherk*. Saint Petersburg, 1909.
- Ponomarev St. Opis' bumag, ostavshih'sja posle N. S. Sokanskoy (Kochanovskoj). *Russkoe Obozrenie*. 1898. N 1. P. 277–312.
- Starčevskij A. Iz vospominanij starogo zhurnalista. Nadezhda Stepanovna Sokanskaja (pisavshaja pod psevdonomimom Kochanovskoj). *Novosti i Birzhevaja gazeta*. 1884. 16 dec. N 347. P. 3.
- Viktorovich V. A. Uroki odnoj sud'by. *Literaturnaja ucheba*. 1989. N 3. P. 110–112.
- Zaharov V. N. Idei «Vremeni», dela «Epohi». *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.: Kanonicheskie teksty*. Vol. 5. Petrozavodsk, 2004. P. 695–712.